

УДК 8123,811.133.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/14

ОБЫДЕННАЯ СЕМАНТИКА БИОНИМОВ В СЛАВЯНСКИХ И НЕСЛАВЯНСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРИМЕНТА)

Н.Б. Лебедева¹, Т.Г. Рабенко²

Кемеровский государственный университет

Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6

¹ E-mail: nlebedevab@yandex.ru

² E-mail: tat.rabenko@yandex.ru

Авторское резюме

Работа включена в этнолингвистическую проблематику в аспекте ее описания обыденного языкового и метаязыкового сознания. Представлены результаты экспериментального исследования бионимов *петух*, *ворона*, *осел* с целью выявления их обыденной семантики в различных в типологическом и генетическом отношении языках. Данные экспериментов выявляют как универсальные, представленные в языковом сознании носителей различных языков характеристики бионимов, так и идиоэтнические, обусловленные национальной картиной мира, идиоэтническим обыденным языковым сознанием, культурно-историческими традициями. Так, установлено амбивалентное отношение к образу петуха в исследуемых лингвокультурах. При сохранении во всех лингвокультурах мифологического восприятия петуха как птицы, предвещающей своим характерным криком восход солнца, обнаружены признаки национально обусловленной символики петуха, реализуемой в различных регистрах: от возведения этой птицы в ранг национального символа (французы), придания ей особого символического значения (символ трудолюбия для китайцев) до несколько иронично-снисходительного отношения к ней (русские и сербы). Довольно однородная картина вырисовывается в отношении бионима *ворона*. Обнаружено последовательно негативное отношение к этому образу во всех вовлеченных в исследование языках. Однако, сходясь в оценке вороны как птицы с черным оперением, питающейся падалью и предвещающей дурные вести, носители разных языков расходятся в ином объекте оценивания – ее различных поведенческих ха-

рактических, видя в ней птицу вороватую, жадную и глупую (русские, сербы) или шумную и крикливую (казахи, китайцы). Выявлены универсальные и национально-специфические характеристики бионима *осел*. При общем восприятии осла как домашнего животного, которое является воплощением глупости и упрямства, обнаруживаются иные признаки, значимые в рамках национальной картины мира, где осел является символом трудолюбия (китайский и казахский язык) либо существом, ассоциирующимся с исламской (казахи) или христианской картиной мира (русские, сербы, французы).

Ключевые слова: лингвокультурология, национальная картина мира, сопоставительная лексикография, обыденная семантика, языковое сознание, бионим.

THE COMMONPLACE SEMANTICS OF BIONYMS IN SLAVIC AND NON-SLAVIC LINGUISTIC CULTURES (THE RESULTS OF THE EXPERIMENT)

N.B. Lebedeva¹, T.G. Rabenko²

Kemerovo State University

6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650043, Russia

¹ E-mail: nlebedevab@yandex.ru

² E-mail: tat.rabenko@yandex.ru

Abstract

The paper deals with ethno-linguistic description of everyday language and metalanguage consciousness. It presents the results of experimental research into commonplace semantics of bionyms *rooster*, *crow*, *donkey* in languages which differ both typologically and genetically. The experiments have revealed both the universal characteristics of bionyms, presented in the language consciousness of native speakers, and the idio-ethnic features determined by the national picture of the world. So, the image of the rooster causes an ambivalent attitude in the analyzed linguistic cultures. While maintaining the mythological perception of the rooster as a bird foreshadowing the sunrise with its crow, there are signs of the nationally-based rooster symbolism in all linguistic cultures in various registers: from the national symbol (the French), or a symbol of diligence (the Chinese) to ironic attitude (the Russians and Serbs). All the languages under analysis display negative attitude towards the bionym *crow*. The common features in different languages include descriptive characteristics, such as

the bird with black coat, eating carrion and auguring ill. However, there are various behavioural characteristics that differ from language to language: thieving, greedy and stupid (the Russians and Serbs) or noisy and boisterous (the Kazakhs and Chinese). The paper also reveals both universal and national-specific characteristics of the bionym *donkey*. Alongside with its general perception as a domestic animal, the embodiment of stupidity and stubbornness, there are characteristics significant to the national pictures of the world, in which the donkey is a symbol of diligence (the Chinese and Kazakhs), a useless animal in terms of meat consumption (the Kazakhs), or a creature associated with the Christian world view (the Russians, Serbs, French).

Keywords: linguoculturology, national picture of the world, comparative lexicography, commonplace semantics, language consciousness, bionym.

Идея славянской взаимности, восходящая к работам А.А. Потебни (Потебня 2003), вновь актуализировалась в условиях современной геополитической и языковой ситуации (Ремнева 2016: 9). В контексте решения проблемы единства и разнообразия славянских языков и культур отмечается исследовательский интерес к описанию языкового сознания носителей различных славянских языков, в т. ч. в сопоставительном аспекте (Сергеева 2009; Уфимцева 2009; Лебедева 2017). Подобного рода исследования «дают возможность выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры» (Уфимцева 2009). При этом особую значимость приобретают не только сопоставительные исследования межславянского характера, но и исследования, где решаются проблемы сопоставления славянских языков с языками иных групп.

Одним из аспектов такого рода сопоставительных исследований является лексикографический аспект, связанный, в частности, с созданием одно- и разноязычных ассоциативных словарей, основанных на получении фактологического материала посредством метода ассоциативного эксперимента. Об особой значимости обозначенного метода для лингвокультурологических исследований пишет А.А. Леонтьев: «Если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть "культурную" специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его "семантические обертоны", – без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент, а ближайшим источником данных на этот счет – словарь ассоциативных норм» (Леонтьев 1977).

Динамично развивающаяся сопоставительная лексикография открывает широкие возможности для выявления универсальных и идиоэтнических закономерностей, свойственных лексическому ассоциированию носителей различных языков. Полагаем, что целенаправленное сопоставление материала, который получен от представителей различных лингвокультурных сообществ, повышает объективность выводов и позволяет избежать поспешных обобщений.

Настоящее исследование выполнено в русле лексикографического проекта «Опыт разноязычного словаря обыденной семантики бионимов», разрабатываемого международным научным коллективом¹ под руководством профессора Н.Д. Голева (Голев, Дебрени 2013; Голев и др. 2015). Суть этого проекта заключается в экспериментальном исследовании различных бионимов с целью выявления их обыденной семантики в различных в типологическом и генетическом отношении языках. Теоретическая значимость работы определяется, помимо прочего, ее включенностью в этнолингвистическую тематику и проблематику обыденного языкового и метаязыкового сознания.

В основе заявленной в исследовании научно-поисковой деятельности лежит гипотеза о том, что обыденная семантика, являющаяся результатом рефлексивной деятельности рядовых носителей языка, сложным образом коррелирует с семантикой, представленной в нормативных словарях, составленных профессиональными лексикографами.

На этапе создания «Опыта разноязычного словаря» лексикографической обработке подверглось 10 бионимов, представленных в разных языках: *волк, ворона, заяц, муха, мышь, осел, петух, роза, теленок, яблоко*. Кажущаяся немногочисленность лексем оправдана трудоемкостью работы по систематизации и обработке данных, полученных в результате разработанного анкетного опроса. В настоящем исследовании предлагаются предварительные результаты описания рефлексивной деятельности носителей ряда славянских (русского, сербского) и неславянских (китайского, французского, казахского) языков по поводу бионимов *петух, ворона, осел*.

Несколько слов о методике сбора материала. Количество привлекаемых по каждому заданию информантов составило в среднем 150 чел. В большинстве своем это студенты филологических факультетов вузов. Эксперимент проходил в очной форме. Каждый участник эксперимента получал три опросных листа (на бумажном носителе) с одним из трех слов-стимулов и в течение 10–15 минут должен был заполнить их от руки, ответив на вопросы. Реакция в зависимости от задания могла быть выражена в виде слова, словосочетания, фразы.

Информантам предлагалось четыре задания, разработанных в указанном проекте, в русле которого выполнялось данное исследование:

1) назовите первое пришедшее вам на ум слово, после того как вы услышали или прочитали данное слово;

2) что обозначает данное слово (задание представлялось в форме типа *петух / ворона / осел – это...*);

3) заполните пропуск в предложениях типа *Они..., как петухи / вороны / ослы*;

4) напишите фразу с данным словом, которая сразу приходит вам на ум.

Все четыре задания выполнялись последовательно в одну экспериментальную сессию. Задания формулировались с такой целью, чтобы эксплицировать обыденную семантику различных уровней: понятийную, концептную, ассоциативную, что проявляется в приводимых ассоциативных рядах, типовых сравнениях и прецедентных текстах. На данном этапе исследования осуществлена лишь предварительная систематизация разноязычного материала. В последующем предполагается его дифференциация с учетом характера экспликации разных слоев обыденной семантики: чувственно-ассоциативной (она сопряжена с первым вопросом), понятийной (связана со вторым вопросом), концептной, отражаемой в прецедентных фразах и типовых сравнениях (связана с третьим и четвертым вопросами). В рамках настоящего исследования дифференциация результатов по четырем заданиям не имела принципиального значения², поэтому при анализе в круглых скобках указывается общее количество реакций, полученных при выполнении всех четырех типов заданий.

Задания предъявлялись респондентам на их родном языке. Мета-языком описания послужил русский язык, на который переводились результаты, полученные в ходе опроса на других языках. На четыре типа заданий получено разное количество ответов, поскольку испытуемые могли фиксировать несколько реакций в рамках одного задания. При исследовании фиксировались все ответы.

Получены следующие данные по четырем типам заданий:

Петух

рус.: 1–272, 2–193, 3–225, 4–168 (всего 858 реакций);

серб.: 1–168, 2–138, 3–208, 4–148 (662);

франц.: 1–261, 2–344, 3–242, 4–351 (1 198);

кит.: 1–204, 2–296, 3–223, 4–287 (1 010);

казах.: 1–298, 2–279, 3–322, 4–366 (1 265).

Ворона

рус.: 1–299, 2–239, 3–224, 4–249 (1 011);

серб.: 1–180, 2–143, 3–149, 4–165 (637);

франц.: 1–254, 2–328, 3–269, 4–334 (1 185);

кит.: 1–183, 2–281, 3–173, 4–217 (854);

казах.: 1–261, 2–150, 3–161, 4–320 (892).

Осел

рус.: 1–245, 2–233, 3–224, 4–247 (949);

серб.: 1–170, 2–157, 3–147, 4–177 (651);

франц.: 1–231, 2–312, 3–237, 4–326 (1 106);

кит.: 1–216, 2–264, 3–175, 4–255 (910);

казах.: 1–317, 2–315, 3–317, 4–369 (1 318).

Данные экспериментов позволяют выявить как универсальные, представленные в языковом сознании носителей различных языков характеристики бионима, так и идиоэтнические, обусловленные национальной картиной мира и историко-национальными традициями носителей сопоставляемых языков.

Обобщим результаты данных, полученных в результате проведенного эксперимента.

Бионим «петух». *Универсальные характеристики бионима «петух».* Для носителей всех исследуемых языков петух – это птица; типовая ассоциативная реакция – домашняя птица. Определяя значение слова «петух», носители всех задействованных в исследовании языков называют сходные признаки. Среди них прежде всего внешняя характеристика птицы: рус. *птица с разноцветными перьями, острый клюв и шпоры* (118); серб. *животиња црвеног перја и оштрог кљуна, птица великих крила* (72); казах. *әдемі қауырсыны* «красивые перья», *әтеш айдарлы әдемі* «у петуха красивый гребешок» (91); франц. *coloré* «цветастый», *qui a de belles ailes* «у него красивые крылья» (67); кит. 尾巴 «хвост», 紅冠 (12) «красный петуший гребень» (34).

Называется среда обитания петуха. Будучи едиными в определении места проживания этой птицы (негородская среда обитания), носители разных языков именуют эту территорию деревней или селом (славянские народы): рус. *живет в деревне* (7), *деревенский петух* 7 (24); серб. *будилник људи не селу, сеоска корисна животиња* (12); аулом (казахи): *ауыл* «аул», *ауылда сағаттың орнына жүреді* «в ауле используется вместо часов» (17); птичьим двором или фермой (французы): *qui vit en basse cour avec les poules* «живет на птичьем дворе с курицами», *oiseau (un) de basse cour* «птица с птичьего двора» (21). Данные реакции отражают идиоэтнические особенности, определяемые традиционной культурой каждого из народов.

В разных культурах петух выступает как символ солнца и грядущего дня. Корнями такое соответствие уходит в мифологию. Подобно солнцу, петух «отсчитывает время», возвещая своим криком мир о приходе нового дня. Для людей крик петуха является ориентиром

времени, своего рода живыми часами, естественным сигналом пробуждения. В фактологическом материале всех задействованных в исследовании языков широко представлены лексемы, актуализирующие мифологический признак исследуемого бионима. В определениях петуха типовыми реакциями являются характеристики, связанные с особенностями его поведения. Поскольку петух устойчиво ассоциируется с птицей, извещающей о начале нового дня, частотны лексемы, объединяемые семантическими компонентами «утро», «пробуждение»: рус. *утро* 47, *будильник* 21 (237); серб. *jutro* 36, *зора* 8 (226); кит. 早晨 45 «утром», 早起 31 «рано встает» (136); франц. *réveil matin (un)* 6 «будильник», *celui qui nous réveille le matin* 2 «тот, который будит по утрам» (388); казах. *оятaды* 17 «будит», *оятқыш / оятар* 6 «будильник», *таң намаз* «утренняя молитва» (244).

Во всех языках широко представлены ассоциаты, репрезентирующие способ, коим петух оповещает о начале нового дня, – он издает характерный громкий крик. Петух устойчиво ассоциируется с лексемами, объединяемыми семантическим компонентом «голос»: рус. *кукарекать* 12, *громко кукарекает* 12 (75); серб. *кукурикање* 8, *кукурику* 6 (99); кит. 咕咕叫/啼叫 13 «кукарекает», 早叫 «рано кукарекает» (99); франц. *bruyant* 9 «шумный», *volatile (un) bruyant!* «громкая птица» (91); казах. *басты ауыртады қарқылдап* «причиняет головную боль своим пением», *дауысы жарқын үй құсы* «птица с ярким голосом» (77).

Одним из проявлений жизненной силы петуха является его исключительная воинственность. Драчливость и задор, характерные для поведения петуха, активно отражаются в исследуемом материале – в ассоциативных рядах и фразах: рус. *драчливый* 7, *петухом налететь* 2 (47); серб. *ратоборни, храбри, копча се као петао* (31); кит. 很威武 «очень воинственный», 愛打架 «любит драться» (19); франц. *tiens, c'est l'emblème du gaulois... et du français!* «он драчливый и самодовольный» (17); казах. *ұрыншақ* «задира, забияка», *қоқиланып жүргенді ұнатады* «ему нравится высовываться / задираться» (12).

Вместе с тем при обнаружении в исследуемом материале всех языков лексем, эксплицирующих признак «драчливость / воинственность», в большей мере эти лексемы представлены в ответах представителей славянских лингвокультур.

Национально-специфические характеристики бионима «петух». Анализ данных опроса позволяет обнаружить национально-специфические характеристики, приписываемые исследуемому биониму.

Известно, что петух является одним из символов Франции, когда-то он считался священной птицей в Галлии. Подобное символическое значение петуха широко репрезентировано во французском материале: *symbole de la France* 27 «символ Франции», *symbole (le) de la*

Gaule «символ Галлии» (66). В ответах респондентов, представляющих славянские (русскую и сербскую) и казахскую лингвокультуры, ассоциации подобного рода отсутствуют, а в китайском материале они единичны: 法國人 «француз», 法國的國鳥 «птица страны во Франции».

Возможно, этим символическим значением объясняется большое количество «французских» ассоциаций, характеризующих следующие признаки.

1. Гордый, самодовольный вид петуха. Ряды ассоциаций и сравнительных выражений возглавляет реакция *fier* 127 «гордый», см. также: *fier comme un coq, il s'élança sur la scène pour déclamer sa réplique* «гордый, как петух, он кинулся на сцену, чтобы продекламировать свой текст» (219). Ср. представленное в ответах русскоязычных информантов выражение «ходить петухом» (т. е. с гордым и важным видом).

В ответах китайских респондентов данный признак актуализирован значительно меньше: 有精神的 4 «высокомерный», 自傲的 3 «заносчивый», 驕傲 3 «зазнайство» (17).

В ответах русских и сербских информантов подобные ассоциации носят единичный характер: рус. *гордый* 3; серб. *поносан* 5, *горд и све жели само за себе*. Однако здесь частотны лексемы, актуализирующие признак «важничать». Напуская на себя важность, принимая внушительный вид, петух представляется птицей важной и заносчивой: рус. *заносчивый, как петух* 2; *важничать* 2; серб. *шепуре, самоуверен, разметлив*. См. серб. устойчивое ироническое выражение *шепури се као петао пред кокошкама*, представленное в ответах 17 информантов. О снисходительно-ироническом отношении к этой птице свидетельствуют и выражения *ку-ку-ри-ку, петле, не гази ми метле!*; *снашао се као петао у кокошке; ко је срећан, и петлови му јаја носе*.

2. Привлекательный внешний вид за счет яркого красивого оперения: франц. *beau* 4 «красивый», *beau surtout quand ça chante* «красивый, особенно когда поет» (94).

Показательны в плане национальной специфики французской лингвокультуры ассоциации *les plumes de coq font de très beaux chapeaux* «из петушиных перьев делают красивые шляпки», а также *et si bon au vin* «очень вкусный в вине», *le coq au vin c'est un très bonne spécialité!* «петух в вине – очень хорошее блюдо!». Известно, что петух в вине – одно из главных французских блюд, классика французской кухни. Ассоциации, актуализирующие данный признак, представлены в ответах 27 респондентов.

Ассоциации, фиксирующие потребительское отношение к петуху, в ответах славянских и китайских респондентов единичны: рус. *куриный суп*; серб. *добра супа, реклама за супе из кесица*; кит. 香菇雞湯 «куриный бульон с грибами», 食物 «еда».

Исключительная воинственность, драчливость, задор, любвеобильность, свойственные поведению петуха, делают его в глазах французских респондентов олицетворением мужского начала: *celui qui dans le poulailler domine ses dames, il est aussi connu pour son chant au lever du soleil* «тот, который в курятнике подавляет дамочек, также известный за пение на восходе», *le coq est macho* «петух-мачо» (73). Ср. единичные кит. ассоциации 大男人主義 «мужской шовинизм», 生命中的熱情 «страстный в жизни», а также серб. ассоциации, явно с ироничным подтекстом: *оличење мушараца који су глупи и надмени, леп и шарен заводник међу кокошкама, женскарош*.

Этот признак актуализируется и в прецедентных текстах: франц. *le coq du village* «первый парень на деревне» (букв. «петух деревни»), *rentrez vos poules, je lâche mon coq* (букв. «я выпускаю своего петуха, берегите своих кур»). Эти ироничные замечания звучат в адрес самодовольного и любвеобильного молодого человека.

В плане обнаружения национальной специфики китайской лингвокультуры показательны ответы респондентов, объединяемые семантическим признаком «трудолюбие». Для представителей китайской лингвокультуры петух – это трудолюбивая и исполнительная птица: 勤勞 «трудолюбивый», 早起勤奮的象徵 «символ трудолюбия», 聞雞起舞 «рано вставай и усердно занимайся» (310). Петуху свойственны 認真的 «аккуратность» и 規律正常的生活 «плановая жизнь». Интересны ассоциации 革命先鋒號領群雄 «революционный авангард управляет передовым отрядом», 權力是一切 «власть – это всё», характеризующие особенности китайского менталитета.

В ответах китайских информантов особый акцент делается на красном петушином гребне: 雞冠是紅色的 «красный петушиный гребень» (21). Петух считается в Китае своего рода знаком удачной судьбы. Чиновникам принято дарить петухов или фигурку петуха с огромным гребнем (возможно, это фаллический символ) с пожеланиями удачи в работе.

Таким образом, в исследуемых лингвокультурах обнаруживается двойственное отношение к образу петуха. При сохранении мифологического представления об этой птице, предвещающей своим характерным криком восход солнца и начало дня, обнаруживаются признаки национально обусловленной символики петуха, которая реализуется в различных форматах: от придания ему особого символического значения (символ трудолюбия для китайцев) и даже возведения в ранг национального символа (французы) до иронично-снисходительного отношения (русские и сербы, см. серб. *орао, кој не зна да лети*).

Бионим «ворона». Универсальные характеристики бионима «ворона». Для носителей всех задействованных в исследовании языков ворона –

это птица; типовая ассоциативная реакция – птица. Характеризуя ворону, носители всех вовлеченных в исследование языков отмечают цвет оперения этой птицы – черный: рус. *черная* (118); серб. *црна* 59, *птица са црним перјем* (146); кит. 黑色的 33 «черная»; 在天空飛 的黑鳥 «черная птица, которая летает в небе» (115); франц. *oiseau (un) noir* 141 «черная птица»; *oiseau (un) au plumage noir qui tire vers le bleu* «птица с черным, почти синим опереньем» (297); казах. *қара құс* «черная птица», *қапқара құс* 3 «черная-пречерная птица» (147).

Вероятно, темным оперением вороны, ее привычкой есть падаль объясняется частотность ассоциаций, связанных с темой некоего предзнаменования или предвестника гибели и смерти: рус. *пита-ется падалью* 11, *вестник беды* 8 (99); серб. *птица злослутница* 3, *сматра се доносиоцем лоших вести* (84); кит. 不吉利的鳥 47 «несчастливая птица», 帶來壞消息的鳥 8 «птица, которая приносит плохие новости» (212); казах. *далада келгенде қарға қарғыстайды* «в степи ворона проклинает», *қарғыстайтын* «проклинающая» (10). Данный признак значительно меньше актуализирован в ответах казахских респондентов.

Национально-специфические характеристики бионима «ворона». В исследуемом материале широко представлены лексемы и выражения, негативно оценивающие ворону, ее неблагоприятные «моральные» качества. Для представителей славянских лингвокультур ворона – это птица, отличающаяся воровскими замашками, рассеянностью, невнимательностью, жадностью и болтливостью. Эти характеристики отражаются следующим образом:

а) в ассоциативных рядах: рус. *воровка* 4, *воровство* 3, *наглая* 5, *жадная* 5, *глупая* 5 (151); серб. *грабливица*, *похлепа* (95). Признак жадности, вредоносного воздействия на человека актуализируется и в прецедентных текстах: серб. *нападао као врана кукуруз* 2, *вране су ти попиле мозак* 6.

б) в определениях значений лексемы «ворона»: рус. *птица-воровка* 7; серб. *птица грабливица* 3;

в) в сравнительных конструкциях: рус. *безмозглая, как ворона* 8; *болтливая, как ворона* 5; серб. *грабљиви* 6, *грабежљиви* 4.

Лексемы, актуализирующие подобные признаки вороны, эксплицируются в других языках, но они имеют единичный характер: казах. *ашкөз* «жадная, завистливая», *аңқау* «рассеянная»; франц. *rusé* 4 «хитрая, лукавая», *fourbe* 2 «коварная, вороватая». Во французском языке слово «ворона» имеет значение *délateur* «анонимный шантажист, стукач, доносчик». Это значение устойчиво проявляется в ассоциативном ряду.

Отрицательное отношение к вороне у славян проявляется в оценке не только ее небезупречных «моральных» качеств, но и ее способ-

ности производить специфический крик. Наряду с нейтральными лексемами *каркать*, *кар-кар*, *каркающая*, которые актуализируются в речи носителей всех задействованных в исследовании языков, в ответах сербских информантов представлены такие пейоративные определения значения исследуемого бионима, как *крештава*, *крлати* (34). Подобные ответы дают и русские информанты: *мерзко каркающая птица*, *криктивная птица* (36).

Ворона узнаваема по специфическому карканью и представителями других лингвокультур (см. кит. 聲音難聽 «плохо поют», 聲音難聽 19 «обладают плохим голосом»), но их негативную оценку вызывает способность вороны производить много шума за счет своего громкого карканья: см. кит. 很吵 8 «очень шумные», 吵鬧的 54 «шумные» (173).

В ответах казахских информантов частотны ассоциации, актуализирующие способность этой птицы не только много кричать, но и кричать без толку: *көп сөйлейді* «много говорит»; *қарқылдайды / қақылдайды* 25 «каркает», перен. «говорун, болтун» (75).

В сфере «прецедентные тексты» имеют место цитаты из песен и сказок, отражающие особенности восприятия этого бионима в описываемых языках.

В русскоязычных ответах частотны ассоциации, отсылающие к известной басне И.А. Крылова: *вороне как-то бог послал кусочек сыру* 14 (44). Эзоповский сюжет басни в интерпретации Лафонтена вспомнили и французские респонденты: *Le corbeau et le renard c'est un mythe célèbre d'Ésope et de La Fontaine* «Ворона и Лисица – миф Эзопа и Лафонтена» (74). В ответах русских информантов обнаруживаются другие ассоциации: строки песни «Черный ворон, что ж ты вьешься» 7; детской потешки «Сорока-ворона кашку / лапшу варила, деток кормила» 4.

Для сербских информантов лексема «ворона» ассоциируется с народной песней «*Две вране долетеле са Косова*».

В ответах китайских респондентов представлены ассоциации, актуализирующие притчу о вороне: 喝水 «пить воду», 把石頭丟到水裡 «кладет камень в бутылку» (у китайского народа есть притча, в которой рассказывается о вороне: для того чтобы выпить воды из бутылки, она бросает в нее камни, тем самым уровень воды поднимается, и она легко пьет воду из бутылки), а также устойчивое выражение 天下烏鴉一般黑 «все вороны в мире одинаково черны» в значении «все злодеи одинаковы».

Казахские респонденты вспомнили пословицы: *қарға баласын аппағым дейді* 23, букв. «своего птенца называет беленьким», соответствующая русской пословице *всякому свое дитя милее*; *қарға қарғаның көзін шұқымайды* 12 «ворон ворону глаз не выклюет».

Итак, рассматриваемый материал отражает мифологические представления человека о вороне. Для представителей всех вовлеченных в исследование лингвокультур ворона – это птица с черным оперением, предвестница гибели, смерти, птица, питающаяся падалью. Причем данный признак в меньшей степени представлен в казахском материале. Образ вороны отрицательно оценивается носителями всех рассматриваемых языков. При этом русские и сербские информанты категоричны в оценке «моральных» качеств вороны: ворона – птица-воровка, подлая и жадная. Представителям азиатских лингвокультур видится в вороне птица, производящая много шума – и шума бестолкового.

Бионим «осел». *Универсальные характеристики бионима «осел».* Для носителей всех вовлеченных в исследование языков осел – это домашнее животное, которое ассоциируется с глупостью и упрямством: рус. *глупый* 26, *упрямый* 21 (162); серб. *глуп* 38, *тврдоглав* 11 (197); казах. *ақымақ* «дурак» (51); франц. *bête* 70 (глупый), *bonnet* 12 (колпак)³ (215); кит. 笨 4 «глупый», 笨蛋 «дурак» (5).

Определяя лексику «осел», все информанты отмечают, что это животное тягловое (осел используется в качестве верхового или вьючного животного): рус. *тащит груз, перевозит тяжелые вещи* (87); серб. *терет* 16, *товар* 8 (42); кит. 載貨的動物 «животное, которое перевозит товары», 辛苦 4 «выполняет трудную работу» (182); франц. *cheval (un) de somme* «тягловая лошадь», *animal (un) tête qui peut porter de lourdes charges* «упрямое животное, которое может переносить тяжелые грузы» (143); казах. *арба тасиды* 3 «тащит арбу», *жүк тасиды* «носит поклажу / груз» (132).

Национально-специфические характеристики бионима «осел». Респонденты, представляющие азиатские лингвокультуры, акцентируют внимание на прагматически значимых свойствах осла. В речи китайских (несколько больше) и казахских информантов обнаруживаются лексемы, актуализирующие признак «трудолюбие»: кит. 任勞任怨 14 «трудолюбивый», 吃苦耐勞 «выносливость / трудолюбие» (239); казах. *еңбекқор* 7 «трудолюбивый», *барлық жұмысты істейді* «делает всю работу» (115).

Отмечая трудолюбие осла, китайские респонденты акцентируют внимание на таком высоко ценимом китайцами качестве, как добросовестное выполнение своего долга: 耐操 «трудится настойчиво», 忍耐以及完成任務 «терпеливо выполняет задания», 辛苦 «упорный труд» (139). Ответы иных информантов обнаруживают подобного рода ассоциации, но они единичны и немногочисленны, к примеру: серб. *радни*.

В ответах казахских респондентов отражается мифологическое восприятие исследуемого бионима. Известно, что Коран и Сунна

запрещают употребление в пищу животных, которые являются харамом (харам в шариате – запретные действия). Среди них осел. Носители казахской лингвокультуры дали специфические ответы, актуализирующие религиозный компонент: *есек арам жануар дейді халық* «в народе осла считают поганым животным», *есек шайтанға жақын жануар, түнде есектің қасына баруға болмайды* «близкое к шайтану животное, ночью нельзя подходить к ослу», *есектің етін жегуге қазақтарға тыйым салынған* «у казахов запрещено есть ослиное мясо» (36). Ср. франц. *saucisson* 2 «колбаса».

Бионим «осел» является частью и христианской картины мира. В русском, сербском и французском материале (христианские лингвокультуры) представлены ассоциации, отсылающие к библейскому сюжету. Анализ прецедентных фраз с лексемой «осел» обнаруживает общие закономерности употребления этого слова носителями сопоставляемых языков: рус. *на нем восседал Иисус Христос; на осле Иисус въехал в Иерусалим*; серб. *света животиња 2; животиња, за којој ј Иисус ушао у Јерусалим*.

Однако при сохранении мифологического представления об образе осла в ответах русских и сербских информантов обнаруживаются ассоциации, отражающие иронически пренебрежительное отношение к этому животному: см. рус. устойчивые выражения *когда нет лошади, то и осел скотина 12; осла и в львиной шкуре узнаешь 4*; серб. *он је спао с коња на магарца 2; не зову магарца на свадбу да коло игра, него да воду вуче 7; за магарца и на свадби има посла*.

Ассоциации французских информантов изобилуют доброжелательными и сочувственными оценками: *doux 3* «ласковый», *gentil et inoffensif* «милый и безобидный», *sympathique* «симпатичный» (64). Образ осла ассоциируется у франкоязычных информантов с рядом прецедентных текстов: песней «*Mon âne, mon âne a bien mal à la tête*» 4 «У моего осла болит голова», произведением «*Mémoires d'un âne*» «Записки Осла» графини де Сегюр и др.

Примечательно, что в разделе «Литературные образы и персонажи» носители китайского языка нередко указывают европейские источники 史瑞克 «Шрек», 布萊梅樂隊 «бременский оркестр», 小熊維尼的朋友 «друг Винни-Пуха» (20). Этот факт свидетельствует о значительной степени вестернизации китайской молодежи, представители которой выступили информантами.

Таким образом, ассоциативный портрет бионима «осел», представленный в речи разноязычных информантов, амбивалентен. В мифологическом представлении осел оказывается животным, особо почитаемым у христиан (русских, сербов, французов) и вместе с тем нечистым (харамным) у мусульман (казахов). Наряду с восприятием

осла как воплощения трудолюбия и исполнительности (китайцы, казахи) обнаруживаются лексемы с пейоративной коннотацией, актуализирующие восприятие осла как персонификации ряда человеческих пороков (во всех исследованных языках): глупости, лени, тупого упрямства.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы двух порядков: лингвокультурологический и методологический. Общие признаки семантики бионимов объясняются отражением объективных свойств референтов (физических, биологических, поведенческих и прочих характеристик), которые частично зависят от национальных и культурных особенностей информантов. Определенную роль играет степень распространенности данного объекта в жизни представителей лингвокультуры: в тех культурах, в которых данный референт известен мало, его характеристики отличаются бедностью, однообразием. Мифологизированность мотивационных признаков нередко обнаруживается в тех лингвокультурах, где данный бионим малораспространен. В них не так подробен и детализирован образ этих бионимов, нет особых эмоциональных описаний, как в культурах, в которых он привычен (ср.: русские информанты, с одной стороны, китайские и французские – с другой).

Ассоциативное портретирование бионимов высвечивает ценностные доминанты национальной картины мира, позволяя представить и сравнить национальные характеры, соотносимые с наиболее устойчивыми, характерными для данной национальной общности особенностями восприятия окружающего мира и форм реакций на него. И в этой совокупности эмоционально-чувственных проявлений каждого народа высвечиваются разные его характеристики, к примеру трудолюбие и исполнительность (китайцы), доброжелательность и искушенность в «любовных делах» (французы), скромность и честность (русские, сербы), приверженность традициям (казахи).

Методологический вывод можно сформулировать следующим образом: представленный анализ данных, полученных экспериментальным путем, позволяет заглянуть в глубины обыденного языкового сознания, являющегося ядром данной лингвокультуры, что свидетельствует о продуктивности предложенной методики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В международный научный коллектив входят: казахская группа, рук. Л.К. Жаналина; китайская группа, рук. О.П. Сологуб; русская группа, рук. Л.Г. Ким; французская группа, рук. М. Дебрэнн; сербская группа, рук. С.В. Стеванович.

2. Дифференциация результатов по четырем заданиям имеет существенное значение при изучении, к примеру, степени фразеологического потенциала слов-бионимов (Лебедева 2018).

3. Провинившемуся ученику надевали колпак с ослиными ушами в качестве наказания.

ЛИТЕРАТУРА

Голев, Дебрени 2013 – *Голев Н.Д., Дебрени М.* Разноязычный сопоставительный словарь обыденной семантики бионимов: концепция, лексикографический проект и опыт его реализации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Т. 11, вып. 2. С. 80–92.

Голев и др. 2015 – *Голев Н.Д., Ким Л.Г., Стеванович С.В.* Разноязычный словарь как отражение славянского ментально-языкового единства и межкультурных различий // Русин. 2015. № 3 (41). С. 39–54.

Лебедева 2017 – *Лебедева Н.Б.* Обыденная семантика бионима «мышь» в русском, казахском, сербском и китайском языках (по результатам эксперимента) // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2017. Т. 17, № 9. С. 135–138.

Лебедева 2018 – *Лебедева Н.Б.* Синхронно-генетический аспект русской паремиологии (по данным эксперимента) // Исследования русской и славянской фразеологии в диахронии и синхронии. Оломоуц: Univerzita Palackého v Olomouci, 2018. С. 136–141.

Леонтьев 1977 – *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.

Потебня 2003 – *Потебня А.А.* Язык и народность. Рига: Даугава, 2003. 31 с.

Ремнева 2016 – *Ремнева М.Л.* Приветственное слово // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: труды и материалы. М.: МАКСПресс, 2016. С. 8–10.

Сергеева 2009 – *Сергеева Л.А.* Ценностный аспект языкового сознания (по данным русского и чешского языков) // Славянские языки и культуры в современном мире: международный научный симпозиум: Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 289–290.

Уфимцева 2009 – *Уфимцева Н.В.* Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4. С. 98–111.

REFERENCES

Golev, N.D. & Debrenne, M. (2013) Raznoyazychnyy sopostavitel'nyy slovar' obydennoy semantiki bionimov: kontseptsiya, leksikograficheskiy projekt i opyt

ego realizatsii [A multilingual dictionary of bionyms: conceptual basis of the lexicographic project]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*.11 (2). pp. 80–92.

Golev, N.D., Kim, L.G. & Stevanovich, S.V. (2015) A Multilingual Dictionary as a Reflection of Slavic Mental-Linguistic Unity and Cross Cultural Differences. *Rusin*. 3 (41). pp. 39–54 (in Russian). DOI 10.17223/18572685/41/3

Lebedeva, N.B. (2017) Trivial semantics of bionima “mouse” in Russian, Kazakh, Serbian and Chinese languages (based on the experimental results). *Vestnik Kyrgyzsko-rossiyskogo slavyanskogo universiteta*. 17 (9). pp. 135–138.

Lebedeva, N.B. (2018) Sinkhronno-geneticheskiy aspekt russkoy paremiologii (po dannym eksperimenta) [Synchronous genetic aspect of Russian paremiology (according to the experiment)]. In: *Issledovaniya russkoy i slavyanskoy frazeologii v diakhronii i sinkhronii* [Research of Russian and Slavic phraseology in diachrony and synchrony]. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

Leontiev, A.N. (1977) *Deyatel'nost', Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.

Potebnya, A.A. (2003) *Yazyk i narodnost'* [Language and Nationality]. Riga: Daugava.

Remneva, M.L. (2016) [Welcome speech]. *Slavyanskiye yazyki i kul'tury v sovremennom mire*. Proc. of the Third International Symposium. Moscow: MAKSPress (In Russian).

Sergeeva, L.A. (2009) [Axiological aspects of language awareness (in the Russian and Czech languages)]. *Slavyanskiye yazyki i kul'tury v sovremennom mire*. Proc. of the International Symposium. Moscow: MAKSPress (In Russian).

Ufimtseva, N.V. (2009) *Obraz mira russkikh: sistemnost' i sodержanie* [The Russian image of the world: systematicity and content]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4 (8).

Лебедева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

Natalya B. Lebedeva – Kemerovo State University (Russia).

E-mail: nlebedevab@yandex.ru

Рабенко Татьяна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

Tatyana G. Rabenko – Kemerovo State University (Russia).

E-mail: tat.rabenko@yandex.ru